

3. Минус 200 евро с каждого: в Германии подсчитали убытки из-за украинского кризиса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2023/02/22/minus-2-000-evro-s-kazhdogo-v-germanii-podschitali-ubytki-iz-za-ukrainskogo-krizisa>. – Дата доступа: 22.02.2023.

4. Германия позорится на весь мир из-за страха перед США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/world/2023/2/22/1200328.html>. – Дата доступа: 22.02.2023.

ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОГО ФАКТОРА НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНЦЕ 1924 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1925 Г.

Н.Н. Мезга, г. Гомель (Республика Беларусь)

В статье рассматривается зависимость хода советско-польских переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г. от германского фактора. Установлено, что, приступив к переговорам с Польшей о договоре о ненападении, СССР не отказался от усилий по ревизии польской границы. Данная позиция согласовывалась с рапалльской политикой в советско-германских отношениях. В ходе переговоров как СССР, так и Польша учитывали роль германского фактора на международной арене. Варшава рассчитывала, что переговоры с Москвой будут содействовать разрушению рапалльской системы. Для СССР Германия оставалась приоритетным международным партнером, что делало крайне проблематичным заключение советско-польского договора. Германский фактор в значительной степени предопределил динамику советско-польских переговоров.

Ключевые слова: советско-польские переговоры, договор о ненападении, СССР, Польша, Германия, рапалльская политика.

В результате геополитических изменений после Первой мировой войны страны Центральной и Восточной Европы оказались на восточной периферии Версальской системы международных отношений. В данном регионе на ряду со странами, составившими ядро Версальской системы (Великобритания, Франция), во многом определяющие влияние на характер международной ситуации оказывали отношения между СССР, Германией и Польшей. Важную роль в выстраивании международного порядка в Центрально-Восточной Европе на ряду с Версальскими соглашениями сыграли Рижский и Рапалльский договоры. К середине 1920-х гг. европейская политическая ситуация, в том числе и на восточной периферии Версальской системы, переживает существенные изменения. Причем правящие круги Польши и Советского Союза воспринимали эти изменения как неблагоприятные для своих стран. Речь идет прежде всего об существенном улучшении отношений Германии с бывшими противниками по Первой мировой войне. Сложившаяся международная ситуация породила сложную дипломатическую «игру» в «треугольнике» Москва – Берлин – Варшава. Это, в частности нашло отражение в проходивших параллельно

в конце 1924 – первой половине 1926 гг. советско-польских и советско-германских переговорах. Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить, в какой степени германский фактор повлиял на советско-польский переговорный процесс в указанный период.

Советское руководство в обозначившемся в 1924 г. сближении Германии с Западом увидело угрозу разрушения рапалльской политики. Нарком иностранных дел СССР Георгий Чичерин отмечал, что вхождение Германии в Лигу Наций без СССР означало бы ее присоединение «к враждебной нам группировке. ... Это конец рапалльской системы» [1, с. 237]. На наш взгляд, эти опасения были преувеличены. СССР и Германией были заинтересованы в сохранении рапалльской политики, так как еще не были решены задачи, которые Москва и Берлин перед ней ставили: изменение международного порядка, установленного после Первой мировой войны. Для Германии сближение с Западом вовсе не означало разрыва с курсом Рапалло. Как справедливо отмечал А. А. Ахтамзян, Германия хотела обговорить с СССР приемлемые формы поддержания нормальных отношений в связи с ее вступлением в Лигу Наций, а СССР считал возможным в такой ситуации через заключение нового политического соглашения сохранить дух Рапалло [2, с. 145]. 11 ноября 1924 г. состоялась беседа Г. Чичерин и германского посла в Москве Ульриха Брокдорф-Ранцау, в ходе которой было достигнуто соглашение о начале торговых переговоров. Они начались 15 ноября, а 3 декабря советская печать сообщила об их успешном ходе [3, с. 541, 565].

Сложившаяся в 1924 г. международная ситуация создавала объективные предпосылки для улучшения советско-польских отношений. Для Москвы улучшение отношений с Польшей вписывалось в общее стремление к нормализации отношений с Западом в условиях выбора советским руководством курса на строительство социализма в одной стране. В Москве оценивали международное положение Польши как сложное и рассчитывали, что удастся договориться на советских условиях. Кроме того, через переговоры с Варшавой можно было оказывать давление на Германию, добиваясь от нее уступок в ходе советско-германских переговоров.

Польские правящие круги в происходивших на международной арене изменениях видели неблагоприятные для своей страны моменты и рассчитывали несколько уменьшить их, демонстрируя улучшение отношений с СССР. В то же время в Варшаве надеялись, что поворот Германии в сторону Запада приведет к крушению «советско-германского блока» [4, с. 250]. Свою задачу польская дипломатия видела в том, чтобы содействовать этому процессу, в т. ч. через демонстрацию улучшения советско-польских отношений. В декабре 1924 г. через советское торговое представительство в Берлине от Польши поступило предложение приступить к переговорам по широкому кругу вопросов [5, с. 344]. Польское предложение обсуждалось на заседании политбюро ЦК РКП(б) 18 декабря. Было принято решение согласиться начать переговоры, но при их ведении не отказываться от принципа «исправления границ» [6, с. 10].

В это же время между советскими и германскими дипломатами проходило обсуждение принципов, которые следовало положить в основу советско-германских переговоров по политическим аспектам. Сразу же возник польский вопрос как предмет переговоров. 4 декабря во время беседы с У. Брокдорф-Ранцау член коллегии НКВД Виктор Копп заявил, что для советского руководства достижение соглашения с Германией по польскому вопросу «является очень желательным». Советская сторона предложила организовать совместное выступление против Польши, если Германия не отказалась от своих территориальных претензий. Германский посол заметил, что Германия не может отказаться от территориальных претензий к Польше, но в настоящий момент невозможно добиваться их реализации силой [7, с. 64]. Во время новой встречи 5 декабря В. Коппа с У. Брокдорф-Ранцау германский посол отметил, что, если бы русское правительство гарантировало польскую западную границу, то это рассматривалось бы Германией как недружественный акт. В. Копп со своей стороны заметил, что в случае вступления Германии в Лигу Наций она, как это понимает советская сторона, гарантирует польскую западную границу [8, с. 238]. Как видим, Москва и Берлин демонстрировали стремление не допустить получения Польшей дополнительных гарантий ее границ.

Министр иностранных дел Германии Густав Штреземан предложил в ходе советско-германских переговоров сделать их главным предметом именно польскую проблему и выдвинул формулу возвращения Польши к ее этническим границам. У. Брокдорф-Ранцау, выполняя указания главы МИД, встретился с Г. Чичериным и довел до него данную позицию относительно предмета будущих переговоров. Советский нарком иностранных дел, в принципе, не отверг германское предложение об оттеснении Польши к ее этническим границам, но заявил, что не считает возможным сводить обмен мнениями по международным вопросам лишь к польской проблеме [2, с. 132–133]. Политбюро 24 декабря обсудило вопрос о переговорах с Германией и поддержало позицию Г. Чичерина, не исключавшую совместного с Германией пересмотра польской границы при условии соглашения по другим вопросам советско-германских отношений, прежде всего, отношения к Лиге Наций [9, с. 57]. Данное решение в части пересмотра польской границы логично согласовывалось с упоминавшимся выше решением политбюро от 18 декабря о принципах ведения переговоров с Польшей. Как видно из обмена мнениями между советскими и германскими дипломатами, в Москве понимали, что сохранение курса Рапалло неразрывно связано с общей политикой Германии и СССР по ревизии польских границ. Поэтому заинтересованность Москвы в продолжении рапальской политики требовала на переговорах с Польшей избегать всего, что могло расцениваться как подтверждение признания польских границ, что и нашло отражение в решении политбюро от 18 декабря. Тем более, что германская дипломатия сразу же проявила настороженный интерес к польско-советским переговорам, который был озвучен 19 декабря У. Брокдорф-Ранцау в беседе с Г. Чичериным. Советский нарком

ответил, «что никаких переговоров нет, а был с польской стороны зондаж в самой первичной и осторожной форме, неофициальной, относительно возможностей переговоров, причем в данный момент мы еще не знаем, будут ли эти переговоры и о чем» [10, с. 455].

Позицию Москвы по непризнанию границ Польши и зависимость хода и исхода советско-польских переговоров от отношений между СССР и Германией красноречиво иллюстрирует инструкция НКВД, направленная полпреду в Варшаве Петру Войкову 2 января 1925 г. Из текста данного документа следует, что для Советского Союза переговоры с Польшей в значительной степени были подчинены тем целям, которых советское руководство намеревалось добиться в отношениях с Германией. В частности, в инструкции НКВД отмечалось: «Переговоры необходимо начать возможно скорее, затягивая их с таким расчетом, чтобы мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондажа. После нашего соглашения с Польшей у Германии исчезнет всякий стимул для принятия наших предложений. Наше соглашение с Польшей, то есть обеспечение нашего нейтралитета в случае столкновения Польши с Германией, фактически изолирует Германию полностью и убивает ее надежды на всякое сотрудничество с нами. Германии не приходится опасаться нашего соглашения о совместном выступлении с Польшей и Францией, а поэтому наш нейтралитет, после того как мы обещали такой же нейтралитет и Польше, теряет для Германии всякий смысл» [11, л. 3, 4]. Очевидно, что советско-германское сотрудничество во многом базировалось на возможности совместных антипольских акций. Поскольку для СССР сохранение рапалльской политике являлось первостепенной внешнеполитической задачей, для него подписание соглашения с Польшей, предусматривающего действительный отказ от таких акций, было невозможно.

Из инструкции НКВД также видно, что потенциальное соглашение с Польшей являлось для Москвы лишь временным тактическим ходом: «Мы можем утешить Германию, что соглашение с Польшей носит временный характер и рассчитано на тот срок, на который и мы, и Германия обречены на пассивность» [11, л. 3, 4]. Таким образом, ход переговоров с Польшей советское руководство подчиняло решению задачи сохранения сотрудничества с Германией, что практически не оставляло шансов на их успех. Последующие положения инструкции НКВД подтверждают отраженную в называвшихся решениях политбюро готовность СССР принять выдвинутую Германией формулу оттеснения Польши к ее этническим границам. Советская сторона планировала в ходе переговоров обсудить вопрос о культурной автономии для национальных окраин в Польше, однако исключалась возможность в самом соглашении упоминать об автономии, «прежде всего, потому что это было бы сопряжено с окончательным признанием границ» [11, л. 3, 4]. С другой стороны, отметим, что инициатива Польши о начале переговоров с СССР во многом была реакцией на изменения, происходившие на германском участке европейской политики. Польское правительство, делая демонстративные шаги по сближению с СССР, рассматривало

их как инструмент подрыва рапалльской системы в отношениях между Москвой и Берлином, а затем шантажа Запада в связи с подготовкой неблагоприятного для Польши Гарантийного пакта.

Выше было показано, что в качестве одного из принципов для ведения переговоров с Польшей советское руководство определило неприемлемость включения в потенциальный договор положений, которые можно было бы рассматривать как предоставление дополнительных гарантий польским границам. Подтверждения такой же политики по отношению к польским границам Кремль стал добиваться и от Германии, особенно активно с момента появления проекта Гарантийного пакта. СССР был обеспокоен тем, что Германия в той или иной форме гарантирует в будущем договоре польские западные границы. Г. Штреземан, чтобы рассеять советские опасения, направил специальный меморандум советскому правительству, в котором отметил, что в проектируемом Гарантийном договоре о дополнительных международных гарантиях для восточных границ Германии нет и речи. 15 апреля 1925 г. состоялась беседа главы германского МИД с советским полпредом в Берлине Николаем Крестинским, в ходе которой германская сторона высказала заверение, что Германия оставляет за собой свободу рук в отношении восточной границы и будет стремиться к ее ревизии всеми мирными средствами [12, с. 512, 513]. При этом советская дипломатия внимательно следила за ходом германо-польских торговых переговоров. П. Войков в послании в Москву 22 мая с удовлетворением констатировал, что эти переговоры «находятся на мертвой точке» [13, л. 205]. Москва была заинтересована в сохранении напряженности в польско-германских отношениях, т. к. это служило одним из факторов, позволявшим сохранять рапалльскую политику.

В середине января 1925 г. начались советско-польские переговоры о договоре о ненападении. СССР предложил заключить договор о ненападении и неучастии во враждебных комбинациях. Польская сторона настаивала на заключении Советским Союзом соглашения о ненападении не с одной Польшей, а одновременно и с прибалтийскими странами, чтобы Москва гарантировала не только границы Польши, но и прибалтийских государств [14, с. 71, 105; 5, с. 359, 378]. Выше отмечалось, что в планы Москвы не входило в рамках договора с Польшей предоставлять ее границам дополнительные гарантии. Стремление же польской стороны добиться заключения коллективного договора о ненападении между СССР и его западными соседями воспринималось советским руководством как желание Польши утвердить свое влияние в Прибалтике и вызывало негативную реакцию.

Ведя переговоры с Польшей, советское руководство учитывало роль Германии в своей внешней политике. В телеграмме П. Войкову 12 февраля 1925 г. В. Копп по поводу обмена послами с Польшей отмечал, что польское предложение о повышении статуса дипломатических представительств до уровня послов должно быть отклонено, потому что это будет вызовом Германии [11, л. 42]. В свою очередь П. Войков писал в Москву 27 марта, обозначая приоритет для СССР отношений с Германией: «Мне кажется, что в

настоящий, особенно трудный момент, вопрос наших взаимоотношений с Польшей является подчиненным вопросу наших взаимоотношений с Германией и будет поставлен только в этой связи» [13, л. 112–113].

Политика Польши по отношению к СССР также учитывала германский фактор. Поляки осознали угрозу со стороны Германии, но это не являлось для них решающим стимулом, чтобы идти на коренное улучшение отношений с Советским Союзом. В докладе министра иностранных дел Польши Александра Скшиньского, представленном в правительство в конце января, говорилось, что Польша, даже под угрозой потери Силезии и Поморья, на союз с СССР не пойдет и будет против него [13, л. 38]. В целом, можно констатировать, что стратегическая линия внешней политики как СССР, так и Польши практически не оставляли шансов на успешное завершение начавшихся переговоров.

Между тем, польское правительство продолжало прилагать усилия, направленные на то, чтобы привести к краху рапальскую политику в советско-германских отношениях. Летом 1925 г. МИД Польши подготовил меморандум, в котором отмечалось, что антипольская политика Германии равнозначна тесному германо-российскому сотрудничеству, и, если Гарантийный пакт оставит свободу рук Германии в деле ревизии ее восточных границ, то толкнет ее тем самым в объятия Советской России. Одной из главных задач внешней политики Польши называлось недопущение компромисса между Гарантийным пактом и Рапальским договором, углубление разногласий между Советским Союзом и Германией [15, s. 335–339].

Информация о состоянии советско-германских отношений, которой располагало польское правительство летом 1925 г., казалось, давала Польше шанс реализовать эти намерения. Польское посольство в Москве информировало МИД 14 июля, что из достоверного источника получены сведения о ходе советско-германских переговоров. Согласно им, в отношениях между СССР и Германией возникла определенная напряженность. Посол У. Брокдорф-Ранцау может снова выехать из Москвы, по крайней мере, он не хочет выполнять обязанности руководителя делегации на торговых переговорах из-за больших проблем в их ведении [16, л. 154]. Схожую информацию содержала и телеграмма посольства в Москве от 30 июля. В ней отмечалось, что советско-германские торговые переговоры столкнулись с большими трудностями. В Москве ходят слухи о скором отъезде германского посла на летний отдых, а это означает фактическое прекращение переговоров [16, л. 191].

Действительно, можно говорить об определенном кризисе в отношениях между СССР и Германией в тот момент. Г. Штреземан в своих мемуарах писал, что с июня 1925 г. советско-германские отношения переживали помрачение. В июне неудачей закончился визит в Берлин заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова. Он не смог добиться от немцев отказа от подписания Гарантийного пакта и вступления в Лигу Наций [12, s. 519, 516] Г. Штреземан в тот момент выступал против заключения германо-советского договора о ненападении, считая, что это

помешает Германии вступить в Лигу Наций. Реагируя на такую позицию Германии, М. Литвинов в беседе с немецким министром иностранных дел 13 июня дал понять, что в сложившихся условиях СССР может пойти на сближение с Польшей и Францией [17, с. 95].

У советского руководства существовало мнение, что летом 1925 г. Польша готова пойти на сближение с СССР, при чем во многом в связи с ситуацией на германском участке международной политики. 4 июля Г. Чичерина писал в политбюро, что в Польше наблюдаются определенные перемены в политике в отношении СССР, и поляки осознали, что их главным врагом является Германия, а не Советский Союз. Для Москвы, по мнению наркома, очень важно поддерживать эти перемены в польской политике, учитывая неблагоприятные для СССР изменения международной ситуации в связи с предстоящим подписанием Гарантийного пакта [18, л. 2, 3]. При этом советская дипломатия пыталась предоставить полякам информацию, которая убедила бы их в агрессивных планах Германии и нежелании СССР к ним присоединиться. 12 июля в Берлине состоялся обмен мнениями между формально не занимавшими государственных постов К. Радеком и Х. Танненбаумом, в ходе которого советский представитель высказал предположение, что результатом присоединения Германии к Гарантийному пакту станет польско-советское сближение и сообщил, что германское правительство пыталось вести с СССР разговоры о разделе Польши, но столкнулись с его отрицательной позицией [7, с. 65]. Однако говорить о сближении с Польшей как долгосрочной политике СССР летом 1925 г. не приходится. Советское руководство не отказывалось от идеи ревизии польской границы, установленной Рижским договором. Н. Крестинский писал Г. Чичерину в июле 1925 г.: «То обстоятельство, что мы публично заявили о желании иметь мир, а не войну с Польшей, не означает вовсе нашей готовности признать Галицию за Польшей» [19, с. 296].

В контексте хода советско-польских и советско-германских переговоров следует рассматривать визит Г. Чичерина в Варшаву 28–30 сентября. Советское правительство использовало пребывание наркома иностранных дел в Варшаве для давления на Германию, чтобы побудить ее сделать шаги по пути заключения советско-германского торгового договора. Герберт фон Дирксен, в то время сотрудник Восточного отдела МИД Германии, в своих мемуарах писал, что остановка Г. Чичерина в Варшаве по пути в Берлин была жестом, напоминавшим шантаж [20, с. 87]. Польские правящие круги рассчитывали на то, что визит Г. Чичерина в Варшаву будет содействовать ослаблению рапалльской политики. Однако эффект получился обратный. Германия под влиянием этого события выразила готовность немедленно заключить торговый договор и активизировать переговоры о пакте о нейтралитете с СССР.

В ходе переговоров в Варшаве Г. Чичерин повторил советское предложение заключить договор о ненападении и неучастии во враждебных коалициях. При этом он подчеркнул, что у СССР есть пространство для маневра, так как существует возможность англо-германского сближения и

франко-польский союз. Оба блока, по его словам, будут приглашать к себе СССР [5, с. 416, 418]. Польско-советские переговоры о договоре о ненападении возобновились в начале 1926 г. уже после заключения Локарнских соглашений и подписания советско-германского торгового договора. В советских дипломатических кругах исходили из того, что Польша находится в сложном международном положении и, в связи с этим, позиция СССР на новом этапе переговоров должна оставаться жесткой. 16 октября 1925 г. П. Войков направил в Москву докладную записку, посвященную отношениям с Польшей. Он высказал предположение, что положение вещей на международной арене обязывало поляков искать сближения с СССР, который тоже должен проводить политику налаживания контактов с Польшей. Но при этом полпред высказывался за продолжение оказания поддержки националистическим организациям, действующим на территории Польши, прежде всего украинским. По расчетам П. Войкова, их деятельность должна была еще больше осложнить положение Польши и сделать ее более сговорчивой на переговорах. [21, л. 67]. В тот же день 16 октября советник полпредства СССР в Варшаве Григорий Беседовский также направил докладную записку в НКВД. Он рассматривал сближение с Польшей лишь как тактический ход, так как для Москвы приоритетное значение имели отношения с Германией, а поддерживать хорошие отношения одновременно с Берлином и Варшавой в тех условиях было практически невозможно. Г. Беседовский видел еще одну преграду на пути к советско-польскому сближению. По его мнению, Польша, в связи с обострением польско-германских отношений, крайне заинтересована в английской поддержке. Поэтому Варшава при проведении своей политики должна будет прислушиваться к директивам, исходящим из Лондона, а они будут толкать Польшу на антисоветские позиции [22, л. 19–20]. Г. Чичерин также считал международную ситуацию благоприятной для налаживания отношений с Польшей на советских условиях. Он писал 30 октября своему заместителю М. Литвинову: «Ситуация для нас очень благоприятная. Упускать налаживание отношений с Польшей совершенно непозволительно» [14, с. 647]. Г. Чичерин, в отличие от П. Войкова, полагал необходимым для сближения с Варшавой, чтобы белорусские и украинские эмигрантские организации отказались от вынесения резолюций, направленных против Польши и исходящих из принципа права наций на самоопределения [22, л. 19–20].

Предполагаемое налаживание сотрудничества с Польшей не означало отказа от сотрудничества с Германией в деле ревизии польских границ. Когда Г. Чичерин вслед за Варшавой в начале октября 1925 г. прибыл в Берлин, польская проблема, на ряду с торговым договором, стала важнейшей в его переговорах с Г. Штреземаном. Г. Чичерин в очередной раз высказал опасение, что подписание Гарантийного пакта приведет к какому-либо, пусть даже косвенному, подтверждению германо-польской границы. В ответ он получил заверения, что Германия никогда не пойдет добровольно на предоставление гарантий Польше. Г. Штреземан 10

октября направил меморандум советскому полпреду в Берлине, в котором указывалось, что о гарантии восточной границы Германии в проекте Гарантийного пакта нет и речи [12, s. 512, 515]. Таким образом, планы Германии и СССР по ревизии польской границы не изменились, а, следовательно, осталась основа для рапальской политики, которая в значительной степени имел антипольскую основу. Как писал Г. Дирксен, в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше» [20, с. 37]. Польские усилия, направленные на разрушение советско-германского сотрудничества, оказались напрасными. Когда в конце лета 1925 г. в Берлине было замечено некоторое потепление в польско-советских отношениях, проявившееся, в частности, в заключении соглашения о разрешении пограничных конфликтов, Г. Штреземан предписал германской делегации на торговых переговорах в Москве оставаться на месте, чтобы, «учитывая политические соображения, заключить с русскими какой бы то ни было договор» [23, с. 137]. 27 августа и 3 сентября политбюро в свою очередь приняло решение пойти на уступки Германии и активизировать переговоры с привлечением к ним М. Литвинова [24, с. 91, 92–93].

В преддверии возобновления советско-польских переговоров П. Войков 18 декабря 1925 г. направил в Москву письмо, в котором изложил свои предложения по их ведению. Он считал, что в ходе их следовало добиваться согласия Польши на ликвидацию советских материальных обязательств по Рижскому договору, а также согласия на расторжение союза с Румынией. По мнению П. Войкова, эта цель была достижима в связи с тяжелым международным положением Польши после Локарно. Также полпред предлагал на переговорах поднять вопрос о правах национальных меньшинств, но только «для торга» [21, л. 216]. Исходя из тезиса о сложном международном положении Польши, уже с начала переговоров Москва начала диктовать свои условия их ведения. Польское правительство стремилось заключить с СССР в первую очередь торговый договор [25, с. 58]. Советская сторона отдавала приоритет политическому соглашению и предложила немедленно приступить именно к политическим переговорам [26, л. 7], с чем Польша вынуждена была согласиться. Вскоре после начала переговоров между СССР и Польшей стало очевидно, что шансы на достижение соглашения крайне малы. Причем польская сторона сразу же отметила негативное влияние на ход переговоров германского фактора. 18 февраля 1926 г. во время встречи с Г. Чичериным польский посланник Станислав Кентжинский указал на постоянные попытки германского правительства срывать нормализацию отношений между Польшей и СССР [5, с. 477]. При этом поляки пытались посеять определенное недоверие в Кремле по отношению к германской политике, подчеркивая сотрудничество Берлина и Лондона. 26 февраля состоялась встреча Г. Чичерина со С. Кентжинским и заведующим восточным отделом польского МИД Станиславом Яниковским. Польские представители высказались за заключение коллективного пакта о ненападении между СССР, с одной стороны, и Польшей и прибалтийскими

государствами, с другой. Они пытались убедить советского наркома, что польское влияние в Прибалтике выгодно СССР, так как в противном случае в этом регионе будет преобладать Германия, а за ней стоит Англия [5, с. 467–468]. Однако, учитывая характер советско-германских отношений в то время, для СССР предпочтительнее было видеть усиление в Прибалтике влияния Германии, чем Польши. Член коллегии НКВД Семен Аралов в телеграмме П. Войкову 6 апреля указывал на большую заинтересованность немцев в Прибалтике. Полпредству в Варшаве предписывалось наладить тесный контакт с германским посольством для координации усилий против польского проникновения в Прибалтику [26, л. 30].

В ходе переговоров с Польшей советское руководство постоянно оглядывалось на Германию. С. Аралов писал 6 февраля в Варшаву П. Войкову, что коллегия НКВД признала нецелесообразным в то время приезд в Москву польской экономической делегации. Мотивом для такого решения послужили сложившиеся в тот момент трудности в ходе советско-германских переговоров. Чтобы не создавать дополнительные осложнения на переговорах с немцами, СССР не хотел давать полякам никаких обещаний и никаких конкретных промышленных заказов [26, л. 11].

В начале марта стало очевидно, что польско-советские переговоры зашли в тупик. Это констатировал в письме П. Войкову от 2 марта С. Аралов [25, с. 145]. Полпред в Варшаве придерживался той же точки зрения. 8 марта в послании в Москву он перспективу переговоров характеризовал как безнадежную, так как правительство А. Скшиньского не может отказаться от своей постоянной балтийской и румынской линии [13, л. 12–13].

8 марта на заседании коллегии НКВД было принято следующее решение: «а) ... категорически заявить полякам, какое бы то ни было фиксирование интересов Польши в Прибалтике не может быть базой для переговоров... б) необходимо сейчас же заявить полякам, что до выработки той или иной базы политического соглашения переговоры о торговом договоре являются преждевременными» [26, л. 24]. Ужесточение советской позиции произошло в то время, когда на проходившей в Женеве сессии Лиги Наций Польше не удалось получить постоянное место в Совете этой организации, а немцы потерпели неудачу в стремлении войти в нее. Советское правительство могло теперь рассчитывать, что и Варшава, и Берлин станут более сговорчивыми. При этом советское руководство понимало, что заключение соглашения с Германией окажет негативное влияние на переговоры с Польшей, но отдавало приоритет Германии. М. Литвинов 3 марта писал по этому поводу членам коллегии НКВД и полпреду в Берлине: «Неблагоприятно отразится заключение договора также на наших переговорах с Польшей. Тем не менее, мы должны принять германское предложение, руководствуясь хотя бы элементарной мудростью: “лучше синица в руке, чем журавль в небе”. Исход переговоров с Францией и с Польшей гадателей, а политическое соглашение с Германией, даже нейтрализуемое ее пребыванием в Лиге Наций и в кумовстве с Англией, исключает враждебные действия

между нами и Германией и в международном отношении нас укрепляет, ослабляя значение Локарно» [10, с. 797].

Рост германской угрозы и усиление международной изоляции Польши вынуждали ее продолжать переговоры, несмотря на ужесточение советской позиции. 29 марта А. Скшиньский во время встречи с П. Войковым подчеркнул заинтересованность Польши в продолжении переговоров с СССР. При этом польское правительство выразило готовность отказаться от требования непосредственного участия стран Прибалтики в проходивших переговорах, но продолжало настаивать на включении в будущий договор заявления о гарантии их границ [5, с. 481–482]. Советник польского МИД В. Фабержевич в беседа с секретарем советского полпредства в Варшаве М. Аркадьевым подчеркнул, что политика сближения с Россией и умиротворения на всей западной границе СССР остается основой внешней политики Польши. Такая польская политика диктуется ярко выраженным стремлением Германии к ревизии западной польской границы, а также фактом англо-американо-германского сближения [5, с. 477]. Однако этих польских уступок оказалось недостаточно, чтобы вывести переговоры из тупика.

В Берлине, видимо, не имели точной информации о ходе польско-советских переговоров, которые не продвигались вперед. Поэтому по мере их продолжения обеспокоенность Германии нарастала. П. Войков писал 1 января 1926 г., что на приеме у президента Польши «немецкий посол У. Раушер встретил меня с распростертыми объятьями и всячески желал показать, что он все тот же, и что наше сближение с Польшей есть только милая шутка и больше ничего» [27, л. 8]. 4 марта состоялась беседа Г. Чичерина с У. Брокдорф-Ранцау. Немецкий посол получил от Г. Чичерина заверения, что Советский Союз не намерен гарантировать западные границы Польши, но готов подписать с ней договор о ненападении относительно ее восточных границ. Это заявление не удовлетворило Г. Штреземана. Он обязал У. Брокдорф-Ранцау добиться новой встречи с Г. Чичериным и заявить, что Германия не подпишет проектируемое соглашение с СССР, если он имеет намерение заключить какой-либо договор с Польшей [28, s. 174].

Такая встреча состоялась 13 марта, и в ходе ее Г. Чичерин заявил, что для СССР не приемлем польский проект договора. Он также отметил: «Слух о том, что якобы мы гарантируем Польше ее нынешнюю польско-немецкую границу, настолько нелеп, что даже опровержения казались бы мне излишними, и это должно быть ясно послу». Германский посол высказал опасения, что советско-польские переговоры могут повредить «нашим переговорам в Берлине, ибо советско-польское соглашение об абсолютном и безусловном нейтралитете значительно уменьшает для Германии ценность ее отношений с СССР». Советский нарком ответил, что на переговорах с Варшавой Москва еще не выдвинула никакого проекта договора и его выдвижение будет зависеть от того, какими будут советско-германские отношения. Г. Чичерин подчеркнул, что для СССР важно упрочение мирных отношений с Польшей, но еще важнее упрочение отношений с Германией [10, с. 834–835]. С. Аралов сообщал 30 марта П. Войкову в

Варшаву, что «в последнее время немцы проявляют большой интерес к нашим переговорам с Польшей. При всех моих встречах со здешними немцами они все свои разговоры переводят на прощупывание меня по этому вопросу» [26, л. 27]. В те же дни в Берлине польскую проблему обсуждали Г. Штреземан и Н. Крестинский. Германский министр иностранных дел настойчиво стремился выяснить, каковы истинные намерения СССР в отношении Польши. А статс-секретарь германского МИД Карл фон Шуберт заявил Н. Крестинскому о необходимости для Германии гарантий того, что СССР не заключит какого-либо соглашения с Польшей [29, с. 13, 14].

Советская тактика шантажа Германии с помощью переговоров с Польшей дала результат. Германское правительство под воздействием информации о польско-советских контактах решило отказаться от тактики затягивания переговоров с СССР и выразило готовность подписать с ним договор о нейтралитете [2, с. 190–194]. В начале апреля предстоящее подписание советско-германского договора о нейтралитете уже не было секретом. Данная информация оказала отрицательное влияние на советско-польские отношения. Польское правительство пыталось сорвать подписание советско-германского договора путем организации коллективного дипломатического демарша в Берлине с участием ведущих государств Запада. Однако последние, прежде всего Англия, отвергли польское предложение [30, с. 177–178].

П. Войков 19 апреля сообщал в Москву, что советско-германские переговоры вызвали крайнее беспокойство и разочарование в Варшаве и просил инструкции [21, л. 67]. На следующий день он получил из Москвы телеграмму, в которой перед полпредством в Варшаве ставилась задача создать у поляков впечатление, что СССР вынужден был пойти на более быстрое соглашение с немцами «благодаря упорству Скшиньского». П. Войков также должен был внушить полякам, что подписание советско-германского договора не исключает дальнейших советско-польских переговоров, «если только Польша изменит свою позицию» [26, л. 36].

После подписания Берлинского договора П. Войков информировал Москву, что все польские политические группы считают этот договор ударом для Польши, «полным доказательством невозможности создания каких-либо прочных отношений с нами». Даже национальные демократы после подписания советско-германского договора отказались от идеи нормализации польско-советских отношений [31, л. 36]. В ответной телеграмме из Москвы от 27 апреля, подписанной С. Араловым, полпреду ставилась задача в беседах с поляками подчеркивать, что политика А. Скшиньского ускорила соглашение Советского Союза с Германией, что данная политика привела Польшу к полной изоляции, и она не давала советской стороне никаких побуждений к прекращению переговоров с Германией [26, л. 137]. Подписание Берлинского договора все же не стало для Польши фактором, побудившим ее прервать переговоры с СССР. 29 апреля премьер-министр А. Скшиньский направил инструкцию польскому посланнику в Москве, в которой подчеркивал, что подписание советско-германского договора о нейтралитете не меняет польскую политику по

отношению к СССР и не является препятствием для заключения польско-советского политического соглашения [5, с. 487–488].

Таким образом, в ходе переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г. на позицию как СССР, так и Польши существенное влияние оказывал германский фактор. Сближение Германии с Западом создавало объективные предпосылки для начала советско-польских контактов, нацеленных на улучшение двусторонних отношений. Правящие круги Польши рассчитывали использовать переговоры с СССР для того, чтобы содействовать разрушению рапальской политики в советско-германских отношениях. Для Москвы переговоры с Польшей являлись инструментом дипломатического давления на Германию с целью сохранения рапальской политики. В условиях ведения одновременных переговоров с Польшей и Германией руководство СССР отдавало явный приоритет соглашению с Берлином. Германский фактор в значительной степени предопределил ход советско-польских переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г.

Источники и литература

1. Советско-германские отношения. 1922–1925. Документы и материалы : в 2 ч. – М. : Политиздат, 1977. – Ч. 1. – 408 с.
2. Ахтамзян, А. А. Рапальская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932 / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 303 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 7. – 760 с.
4. Ольшанский, П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 / П. Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1974. – 326 с.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 559 с.
6. Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1997. – 144 с.
7. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко – М. : РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
8. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 г.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : “ЮНІПАК”, 2012. – Т. 2. – 480 с.
9. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М. : «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 960 с.
10. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2011. – Т. 1. – 1031 с.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52670.
12. Streseman, G. Vermachtnis / G. Streseman : in 3 b. – Berlin : Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. – B. 2. – 611 s.
13. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52667.
14. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
15. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918–1938 : w 2 t. – Warszawa : Inst. Wyd. Pax., 1989. – Т. 1. – 540 s.
16. Archiwum Akt Nowych. – MSZ. – Sygn. 6635.

17. Kamiński, M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939 / M. Kamiński. – Warszawa : Młodzieżowe Agencja Wydawnicza, 1987. – 120 s.
18. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52673.
19. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
20. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
21. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52668.
22. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52669.
23. Никонова, С. В. Очерки европейской политики Германии в 1924–1929 годах / С. В. Никонова. – М. : Наука, 1977. – 373 с.
24. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения особой папки 1923–1939. – М. : РОССПЭН, 2001. – 400 с.
25. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1968. – Т. 9. – 783 с.
26. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52672.
27. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 219. – Д. 52693.
28. Lopatniuk, S. Polsko-radzieckie rokowania w sprawie paktu o niagresji 1925–1932 / S. Lopatniuk // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. – 1965. – Т. 1. – S. 167–188.
29. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939 / L. Grosfeld. – Warszawa : Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
30. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – 196 с.
31. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 218. – Д. 52688.

GERMANO-BELORUSSKIE KULTURNIE I NAUCNE SVIAZI V 20-x gg. XX v.

Д.А. Мигун, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье подробно исследуется процесс развития белорусско-германских культурных и научных связей после подписания Рапальского договора. На основании тщательного анализа архивных документов центральной белорусской прессы, автор приходит к выводу, что после подписания Рапальского договора белорусско-германские культурные и научные связи заметно активизировались.

Ключевые слова: Германия, Беларусь, культурные и научные связи, Рапальский договор, Белорусское общество культурной связи с границей.

После подписания Рапальского договора и договора о распространении германско-российских договоренностей на БССР германо-белорусские культурные связи заметно активизировались. Особый импульс их развитию был придан в 1926 г., когда было организовано Белорусское общество культурной связи с границей, ставшее филиалом союзного.